

Сомнения

повесть

16+

Сергей Бичуцкий

Сергей Маркович Бичуцкий

Сомнения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43718165

SelfPub; 2019

Аннотация

Повесть не совсем обычна. Это вторая часть из задуманного исследования под общим названием "А что было бы, если бы...". Первая – новелла "Хлебушка хочу...", в которой все главные герои – положительные люди. В повести "Сомнения" – те же самые персонажи и события, но главная героиня Ольга, с которой происходит то же самое несчастье, по своему жизненному кредо, несмотря на замужество и материнство, является ревнительницей личной свободы, то есть, измена для неё – дело вполне обыденное, и ничего предосудительного она в этом не видит. К чему это приводит? Читайте и узнаете!

Оформление обложки: фото, автор Alexander, сайт: <http://mediasvod.ru/unsplash/>

*«Когда могла бы так легко душа болеть,
Как страждет тело,
То прошлое давным-давно
В небытие бы отлетело,
И кончился бы мир».*

Глава 1

– Витя! Опомнись! Ты же на человеке должен жениться, а не на заднице. Как ты не понимаешь, что предназначение задницы, сколько ты на неё не любишься – вонять и гадить, и ничего другого она делать не в состоянии? – горячился отец, – Ты взглядишь в неё повнимательней. Тебе же с ней не только в постели валяться придётся. Жена другом должна быть, помощником! На что тебе эта красота вселенская? Она же ледяная, Витя! Я от гордыни её просто мёрзнуть начинаю. Если с тобой что-нибудь, не дай Бог, в жизни случиться, она же, не раздумывая, предаст тебя и бросит! – переходил на крик отчаяния Сергей Миронович.

– Да что со мной может случиться, пап? – удивлялся Виктор. Он никак не мог понять, почему отец так горячо противится его решению жениться на однокласснице Ольге. Был в её жизни, правда, один весьма бурный неудачный роман с сыном чиновника высокого ранга, ну так что ж из этого? И в ЗАГС даже вроде бы собирались, но что-то у них там не

заладилось, и свадьбу отменили. В чём была истинная причина разлада Виктор, понятное дело, не доискивался, потому что был этому, откровенно говоря, очень рад. И удивительная близорукость Виктора в отношении множества её романчиков и мимолётных «шалостей», которые с завидным постоянством случались с его пассией, вполне объяснима – страсть ослепляет. Весьма скромный по натуре, за все годы совместной учёбы он не только не удосужился признаться Ольге в своих чувствах, но даже делал вид, что она ему совершенно безразлична. Услышав как-то пушкинское «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей!», безоговорочно поверил в неё, и стал старательно придерживаться этого принципа. Почему нет? Вроде бы ничего и не делаешь, а на самом деле, вроде бы и делаешь, но кроме тебя никто об этом не знает. Х-о-р-о-ш-о! Надо только терпеливо ждать, и результат придёт. Обязательно положительный. Несмотря на вселенский авторитет Александра Сергеевича, этот принцип в данном случае почему-то не сработал – Ольга упорно не замечала его. А вот народная мудрость, гласящая, что «под лежачий камень вода не течёт», тут как раз таки и подтвердилась. Так что, слепо верить каким-то умозаключениям – дело неблагодарное. Почему? Да потому, что жизнь – она нечто другое, чем игры разума, но разум почему-то об этом не догадывается, считая жизнь основным и неизменным предметом этих игр, постоянно подвергая её таким испытаниям и выкрутасам, которые зачастую приво-

дят к смерти, то есть, к концу жизни, а вместе с ней не только к деградации, но и к исчезновению самого разума. Но иногда кажется, что разум умирает прежде, чем кончается жизнь.

Автобус на ухабах потряхивало, и Виктор в унисон, иногда довольно ощутимо, бился лбом о стекло, но его прохлада была настолько приятна, что он не отстранялся, несмотря на причиняемую боль. Терпел. Умение терпеть прививал ему с раннего детства отец. И наставлениями, и своим собственным примером. Увлёкшись с детства единоборствами, сначала борьбой, затем боксом, и, наконец, боевым самбо, Виктор постепенно привык переносить физическую боль. Свыкся и страха перед ней, присущего многим людям, не испытывал. Со временем умение терпеть и переносить боль отложилось и на его психологии, что очень помогало в жизни. Именно это терпение и способствовало сохранению семьи. Виктор до сих пор не хотел себе признаться, что отец был совершенно прав в отношении Ольги, но страсть, всякий раз охватывавшая при виде даже чуть обнажённой жены, снова и снова ослепляла разум, и он терпел.

Выйдя замуж за Виктора, Ольга, между тем, продолжала считать личную свободу своим неотъемлемым правом, которым пользовалась в полном объёме в соответствии с нравственными принципами, которые у неё были весьма своеобразны. Над всей её жизнью главенствовал приоритет личного удовольствия и нескончаемого самолюбования, которые были видны невооружённым глазом. Вакханалия духовной

вседозволенности, провозглашённая как главный нравственный принцип государственного устройства самой Конституцией и подкреплённая семейным воспитанием, несомненно, откладывала отпечаток и на жизнь каждого отдельно взятого человека. И, если раньше распутству препятствовали укоры совести и общественное неприятие и порицание, то в настоящее время это самое общественное неприятие под мощным давлением государства и пропаганды западного образа жизни, кануло в Лету. А укоры совести... Какая уж тут совесть? Ольга, внешне порядочная учительница английского языка, кокетничала со всеми подряд, и совершенно не считала зазорными «мимолётные встречи», от которых она не отказалась ни после замужества, ни после рождения двух детей. «А что тут такого?» – недоумённо спрашивала она. И сама же объясняла своё поведение расхожей и всё оправдывавшей фразой «все так живут», и с возмущением добавляла: «Я же не вещи из дома выношу!», совершенно искренне не понимая, что предательство не измеришь никакими вещами. О её поведении знали все окружающие, включая и мать, Тамару Сергеевну, которая после безуспешных многолетних попыток вразумить дочь, бессильно опустила руки, поняв тщету своих усилий, и смирилась с происходящим. Знали все, кроме, разумеется, одного Виктора. И нет никакого сомнения в том, что семья эта, возникшая по причине только одной плотской страсти, давно бы распалась, если бы не Тамара Сергеевна, которая, по сути, заменила свою дочь и взяла на

себя все её обязанности, включая не только приготовление пищи, стирку и уборку, но и воспитание детей. Очень мягкая и добрая по натуре женщина, осознав однажды, что Ольга стала такой только по её вине, отдавала все силы благополучию и сохранению семьи, невзирая на болезни и немощи. С младенческих лет любясь необычной красотой ребёнка, Тамара Сергеевна совершенно не обращала внимания на воспитание дочери, и вся их жизнь превратилась в постоянные смены нарядов, восхищение красотой дочери, обнимашки, целовашки, и всепрощение. Ольге дозволялось и прощалось абсолютно всё. Отсюда и результат. Воистину, что посеешь, то и пожнёшь!

Небольшой микрорайон, в котором проживала семья Виктора, построили совсем недавно, за год до начала печально известной «перестройки», которая, по сути дела, представляла собой начало очередной смуты в государстве Российском. Виктору, работавшему прорабом, вручили ордер на трёхкомнатную квартиру сразу по окончании строительства. Горсовет по соглашению со стройтрестом был обязан часть квартир выделить работникам предприятия. Микрорайон построили, а нормальную дорогу, как всегда, отложили на потом, поэтому конечную остановку автобуса и сам микрорайон разделяла берёзовая роща, через которую проходила довольно широкая, утоптанная людскими ногами тропинка. Освещения, понятное дело, не было никакого, и, чтобы в тёмное время суток пройти через рощу, люди обыч-

но пользовались фонариками, а иногда и просто шли наугад, напряжённо вглядываясь в темноту дороги.

Глава 2

Выйдя из автобуса, Виктор вдохнул полной грудью свежий, после продолжительного дождя, ночной воздух и посмотрел на небо. Яркий полумесяц, выглянувший из-за очередной тучки, которыми было покрыто тёмное небо, осветил на какое-то время землю, и тут же стыдливо спрятался. Ночь ведь! Спать надо! Пошумев для приличия секунду-другую заметно уставшим двигателем, автобус лязгнул дверью и отправился восвояси. Проследив взглядом за удаляющейся машиной, повесил спортивную сумку на плечо и направился в сторону дома. Крик отчаянной безнадёжности «Помоги..» неожиданно взорвал тишину, и захлебнулся на полуслове. Голос был настолько знаком, что Виктор от неожиданности и предчувствия страшной беды остановился. «А-а -а! Укусила сука! – выругался мужской голос, и послышался глухой звук удара. Стряхнув с себя оцепенение, побежал на помощь. Пробежав с десятков метров, увидел силуэты двух мужчин и лежащие на траве между деревьев тела. Кто-то насильовал женщину. Что-то анализировать и предполагать не было времени, но на уровне подсознания понял, что это Ольга. Скинув с плеча сумку, бросился на насильников. И нет сомнения в том, что у него хватило бы сил и навыков справиться и со всеми троими, но в темноте, обо что-то споткнувшись, полетел вперёд и ударился головой о грудь одного из них, упав

при этом на землю. Подняться не успел. Сильнейший удар по голове оборвал его намерение.

Сознание начало проясняться с возвращения слуха. Ещё не полностью осознавая, что происходит, услышал мужские голоса, доносившиеся из темноты:

– Ну, и сладкая сучка! Давай её подальше перенесём, а то ещё кого-нибудь принесёт.

– Баста! Ноги делать надо, – отозвался на это предложение второй голос.

– Какие ноги? Ты на её ноги посмотри. Когда ещё такую попробуешь? Дай ещё хоть разок кайфануть, – попытался возразить первый голос.

– На кичу захотел? На киче таких любят. Только там вместо этой бабы будешь ты. А мне это совсем не в тему. Если уж не могу, с «дунькой кулаковой» любовью займись. Врубился?

– Врубился, – ответил с сожалением в голосе первый. – А с мужиком что будем делать?

– Кончать будем. И его, и её.

– Да ты чё, Чапа? Я на мокрое не подписывался!

– Не подписывался? А на что ты подписывался? На сладенькое? А мы из-за твоего сладенького баланду хлебать будем? Не! Не катит, фраерок. Мы с Федюней и тебя вместе с ними положить можем. Усекаешь?

– Усекаю.

– Тогда приступай!

– Я? – испуганно спросил первый.

– Ладно, – согласился второй, – мужика кончу я, а девка за тобой.

При этих словах Виктор окончательно пришёл в себя и, поняв, что речь идёт именно о нём, стал инстинктивно шарить руками вокруг. Средних размеров камень нашёлся сразу. Сжав его в руке, приоткрыл глаза и увидел склоняющуюся над ним тёмную фигуру, в правой руке которой блеснул нож. Блокировав удар ножом, приподнялся и с силой ударил камнем по голове. Нападавший сразу обмяк и повалился на него, обрызгав лицо хлынувшей из разбитого виска кровью. С трудом сбросив с себя безжизненное тело, поднялся на ноги, и услышал топот убегающих. Голова раскалывалась от боли. Приложив ладонь к затылку, ойкнул от боли, и тут же оторвал руку, покрывшуюся чем-то тёплым и липким. Не очень понимая, что происходит, и что он здесь делает, стал оглядываться кругом. Метрах в пяти заметил на земле безжизненное тело. Подошёл и склонился над ним. Сомнения в том, что это была Ольга, исчезли. Совершенно обнажённая жена лежала неподвижно. Убедившись, что Ольга жива, собрал одежду и стал одевать. Мини юбка и блузка были разорваны, но стараясь хоть как-то прикрыть наготу, Виктор не обращал на это внимание. С большим трудом одев безвольное тело, попытался привести жену в чувство. Через некоторое время Ольга стала подавать признаки жизни. Дыхание становилось ровнее и глубже. Открыв глаза и увидев

мужа, застонала. Память вернулась, и слёзы самопроизвольно покатались из глаз. Виктор успокаивал жену, попытался поднять, но она молча плакала, не желая помогать. С трудом оторвав от земли безвольное тело, почти волоком потащил Ольгу к дому. Жена, не переставая, плакала. От места происшествия до дома было не более ста метров. Они с трудом преодолели это расстояние, два раза упав и совершенно извозившись в грязи. Кое-как затащив жену в подъезд, не сумел при этом придержать входную железную дверь, которая хлопнула оружейным выстрелом. Тут же открылась дверь квартиры номер четыре, в которой проживала хорошо известная всем скандалистка Мария Ивановна. Было такое впечатление, что именно их она и ждала до полуночи, не отходя от двери.

– Сволочи! Мерзавцы! – закричала старуха, открыв дверь. – Нормальные люди уже давно спят, а они здесь шлят! Туда-сюда, туда-сюда! – разорялась она, даже не видя того, к кому обращалась. Света в подъезде не было, так как лампочки постоянно кто-то воровал, заменяя рабочие на сгоревшие, а свет, падавший из открытой двери, освещал только небольшую часть подъезда. Когда Виктор с Ольгой поднялись на лестничную площадку, Мария Ивановна на мгновение остановилась, поражённая видом соседей, но тут же, с ещё большей яростью и агрессивностью, стала поносить уже конкретно их:

– Интеллигенция сраная! Пьянь подзаборная! Понапыют-

ся как свиньи, а всё туда же! «Ну, так же нельзя, Лидия Ивановна!», – передразнила она, вспомнив замечание Тамары Сергеевны на её постоянную ругань, – А так можно? – не унималась соседка, для убедительности размахивая руками и демонстрируя, таким образом, своё полнейшее негодование.

Глава 3

Причины, по которым Мария Ивановна была такой неумеренно скандальной женщиной, мало волновали соседей хотя бы потому, что такой она была с момента переезда на новое жильство. Самое первое знакомство с ней и попытка завязать какие-то дружеские соседские отношения закончились матом и беспричинными оскорблениями в адрес новых соседей. Молва о её несносном характере тут же распространилась по дому, и желающих на себе испытать её жуткий характер, больше не нашлось. Соседи старались не разговаривать с ней, пытаясь молча, опустив глаза долу, прошмыгнуть мимо, если вдруг нечаянно встречались с ней. В хорошую погоду таких встреч избежать было невозможно, так как Мария Ивановна почти весь день восседала на скамейке при входе в подъезд, сторожа входящих и выходящих соседей, и каждому, и ребёнку, и взрослому, доставалось от неё какое-то нелицеприятное замечание. Большинство молча проходили мимо, но у некоторых соседей, вернее сказать соседок, терпения не хватало, и тогда разгорался скандал, который издали можно было принять за ожесточённый собачий лай. Но

такое случалось редко.

Здесь нам кажется важным попытаться объяснить причины, по которым Мария Ивановна возненавидела весь белый свет, так как в дальнейшем развитии событий этой неприятной на первый взгляд женщине придётся сыграть в нашем рассказе весьма заметную роль.

Итак, выйдя замуж за молодого лейтенанта-подводника, она уже в девятнадцать лет оказалась одна одинёшенька в далёком и неуютном во всех отношениях северном военном городке, в такой же неуютной и холодной комнате офицерского общежития. Её муж Николай, едва получив назначение и прибыв вместе с молодой женой к месту службы, был направлен на одну из подводных лодок, и буквально через неделю отправился в дальний поход. На дворе была холодная осень, и предстояла долгая северная зима с постоянными ледяными ветрами, и вся её жизнь сконцентрировалась в одной маленькой обшарпанной и продуваемой сквозняками комнате. Выросшая в хорошей ленинградской квартире, девушка имела весьма отдалённое представление о ведении домашнего хозяйства. С раннего детства и до замужества она вместе с бабушкой на всё лето уезжала на дачу, и именно тогда родители и занимались какими-то работами по ремонту и подготовкой квартиры к холодам. Так что даже приблизительных познаний о том, каким образом надо утеплять квартиру у неё не было. Заботливые родители и бабушка, которая беззаветно любила свою единственную внучку, сыгра-

ли свою роль. Единственное, что хорошо умела делать Маша, это готовить. Но готовить было некому. И вместо романтической любви её ожидало долгое одиночество в холодной плохо отапливаемой комнате. А тут ещё полярная ночь, ледяным чёрным глазом выглядывающая из-за угла. И Маша затосковала. Её первое знакомство с соседями по общежитию так же оставило свой неизгладимый след. Через неделю после ухода мужа её пригласила в гости соседка Надя, муж которой вернулся из долгого похода в море. Такие события всегда отмечались бурно и широко. Не зная местных обычаев, Маша с радостью согласилась. Во время застолья её природная открытость и наивность была воспринята одним из подвыпивших лейтенантов как признак лёгкой доступности, чем он и возжелал тотчас же воспользоваться. Напроставшись посмотреть, чем можно помочь Маше, пожаловавшейся на холодную комнату, он тут же приступил к делу, повалив её на солдатскую кровать. Крики молодой женщины, взывавшей о помощи, слились с музыкой, ором и песнями пьяной компании, и на помощь никто не пришёл. Обладавшая сильным характером Маша не сдалась, и нащупав на столе гранённый стакан, схватила его и со всей силы ударила лейтенанта по голове. Насильник потерял сознание. Разъярённая женщина сбросила с себя обмякшее тело, вытащила его за шиворот из комнаты и бросила перед распахнутой дверью загулявшей компании. Водворилась тишина. Маша, почему-то даже не допускавшая мысли о том, что её крики о

помощи остались попросту не услышанными из-за стоявшего шума и гремевшей музыки, и решившая, что именно такими и являются обычаи и нравы офицерского общежития, в первый раз в своей жизни с яростью, в которой сконцентрировалась невесть откуда возникшая ненависть ко всему человеческому роду, смотрела на собравшихся, и срывающимся сквозь слёзы голосом прокричала: – «Сволочи! Ненавижу!».

Глядя на растерянных, ничего не понимающих соседей, Маша натолкнулась взглядом на скабрёзную улыбку одного из гостей, и вдруг остро, до щемящей боли, где-то в неизведанной глубине своего существа, почувствовала, что все эти люди, все до одного, враги. Непонятно откуда взявшаяся мысль, прочно заняла место в её сознании, а дальнейшее развитие событий только укрепило её.

О происшествии узнали тут же. Что-то скрыть в военном городке было невозможно. Мнение, как всегда, разделилось надвое. Кто-то жалел Машу и негодовал, а кто-то оправдывал молодого лейтенанта, мотивируя это тем, что тот долго пробыл в море и соскучился по женской ласке, и что роковую роль в его неблагоприятном поступке сыграла выпитая водка и поведение Маши. Командование, между тем, пребывало в растерянности. Из ряда вон выходящее позорное происшествие, в случае его обнародования и придания ему официального статуса, без всякого сомнения отразилось бы не только на репутации гарнизона, судьбе лейтенанта, но и на судьбе кого-то из командного состава. Без стрелочника

никак бы не обошлось. Надо было принимать какие-то меры, но Маша молчала. Не было у командования официально-го заявления, и это смущало. Прояснить ситуацию отправили замполита военного гарнизона, командира второго ранга Сливко Владимира Семёновича, поскольку происшествие это непосредственно касалось именно его служебных обязанностей. Лида встретила командира хоть и настороженно, но без неприязни, предполагая по своей наивности, что он во всём разберётся и зло будет наказано. Дальнейшее развитие событий показало, что это совершенно не входило в его планы. Выслушав сбивчивый рассказ Маши, замполит перешёл в наступление, сообщив, что до их приезда такого в этом гарнизоне не случалось никогда, и что у командования сложилось определённая точка зрения по поводу причин случившегося, и что, по мнению командования (под командованием замполит имел в виду, конечно, самого себя), Лида сама виновата в том, что произошло. Молчание и недоумённый взгляд девушки совершенно дезориентировали Сливко, и он стал развивать свои предположения, нанизывая одну мерзость на другую, пока не дошёл, наконец, до последнего, по его мнению, самого убедительного аргумента, что, мол, «сучка не захочет, кобель не вскочит», что он так, со всей своей флотской прямоотой, слово в слово, и сказал. От возмущения и негодования у Маши потемнело в глазах. Она схватила стоящий на столе тяжеленный гранённый графин, наполовину наполненный водой, и, если бы не реакция зампо-

лита, вовремя осознавшего угрожающую ему опасность, то ждала бы его та же участь, что и молодого лейтенанта. Заполит со скоростью пущенной торпеды вырвался из комнаты, удачно вильнув и избежав встречи с брошенным в него снарядом. Первый испуг и растерянность быстро сменились радостью и облегчением. Теперь-то уж оснований для того, чтобы обвинить во всём молодую женщину, было более чем предостаточно. И какая теперь разница, кто там и в чём виноват? Растерянная и уже куда более глубоко оскорблённая этим разговором, нежели поступком лейтенанта, Маша горько заплакала. И, наверное, всё можно было бы уладить и разрешить, а, главное, сберечь её чистое сердечко от ненависти к людям, если бы она не осталась один на один со свалившимся на неё невеселье откуда несчастьем. Маша, не получившая поддержки ни от соседей, ни от командования, замкнулась в себе, поэтому обида и недоверие к людям вообще, так неожиданно родившиеся в ней, окрепли и только усилились.

Отцы-командиры, понимая, что этой историей может не закончиться, так как никто не мог с уверенностью предсказать, какова будет реакция вернувшегося из похода Николая, приняли решение, которое, по их мнению, должно было окончательно погасить этот конфликт. Сексуально озабоченного лейтенанта отправили в командировку, а вернувшегося из плавания мужа Маши перевели на другое место службы, на Тихоокеанский флот, снабдив его при этом замечательной характеристикой, как бы компенсируя тот моральный урон,

который понесла его жена. Конфликт и в самом деле был сокрыт, погашен, а, по прошествии какого-то времени, и вовсе всеми забыт. Всеми, да не всеми. Люди порой и не догадываются, как их неблагоприятные поступки могут отразиться на чью-то дальнейшую жизнь. Нагадили и пошли себе дальше. А что там будет с тем, кого обгадили, какая разница? Не нас же. Нет любви к ближнему, равнодушие одно, потому и творим, не ведая что. А жаль! Ну, а Маша, действительно любившая своего мужа, и опасавшаяся, что всё могут представить совсем не так, как было на самом деле, решила ничего ему не говорить. Она понимала, что, если Николай узнает обо всей этой грязи, особенно в той интерпретации, которую она услышала от замполита, то едва начавшаяся семейная жизнь может скоростижно скончаться. Так называемое «общественное мнение» – ещё то ядовитое зелье. И Маша, понимая все опасности предстоящей встречи с мужем, и пребывая от этого в болезненно напряжённом состоянии, с облегчением вздохнула только тогда, когда тронулся поезд, уносивший их в сторону далёкого и загадочного Тихого океана. «Хоть на Луну! – думала она, – лишь бы подальше отсюда.»

Новое место службы, новые люди и более мягкий климат, всё это заживило душевные раны молодой лейтенантши, и сердечко её оттаяло, но первый горький жизненный опыт привёл её к мысли, что во избежание повторения подобных происшествий, надо попросту отгородиться от мира, и Ма-

ша выбрала грубость и неприветливость, как естественную самозащиту. Одеда на себя эту броню, прекрасно осознавая, насколько ей будет тяжело жить с такой ношей, но любовь к мужу пересилила все сомнения, и она с нетерпением ждала возвращения мужа домой, чтобы сбросить с себя эту вынужденную маску, которая со временем прижилась, превратившись в неотъемлемую часть её сущности. При муже на людях старалась сдерживаться, но ни на какие общественные мероприятия, а уж тем более на застолья, никогда не ходила, отпуская Николая одного. Поначалу её тяготило это вынужденное одиночество, но со временем свыклась, коротая недели и месяцы разлуки с мужем в воспоминаниях о каких-то моментах короткой совместной жизни, приукрашивая и преувеличивая их значение, вновь и вновь возвращаясь к ним, пытаясь ещё раз воспроизвести пережитые чувства. Маша очень надеялась, что с рождением ребёнка её жизнь наполнится новым смыслом, и заиграет новыми неведомыми для неё красками, но ребёнка почему-то не было. В гарнизонном госпитале такого специалиста, который мог бы выяснить причину отсутствия детей не было, а тратить время долгожданного отпуска на хождение по врачам ни Лида, ни Николай не хотели, пустив это дело на самотёк. Так и протекала бы их жизнь в расставаниях, ожиданиях и радостных встречах, если бы в конце службы, за год до увольнения в запас, её муж, Николай Петрович, дослужившийся до капитана второго ранга, не получил серьёзную травму, ударившись

спиной об одну из железяк, окружавших его на подводной лодке. Боль в спине поначалу была еле ощутима, поэтому не обращал на неё никакого внимания, считая, что всё пройдёт само собой, но время шло, а боль только усиливалась. Принимать обезболивающие лекарства приходилось всё чаще и чаще, но Николай Петрович, не желавший обращаться по этому поводу к врачу, подсознательно опасаясь списания на берег, а то и вообще увольнения по состоянию здоровья (это за год-то до пенсии), терпел, пока однажды не потерял сознания, находясь на корабле. Благо в очередной поход уходили только через неделю. Обследование показало, что у него сломаны два позвонка и требовалась немедленная операция. Операцию сделали в военном госпитале во Владивостоке, но успешной её назвать было нельзя. Так и проходил Николай Петрович в корсете до самого увольнения. Существовавший в Советском Союзе закон о том, что после увольнения со службы офицеры Вооружённых Сил и ВМФ имеют право на получение жилья в любой точке страны, исполнялся неукоснительно. Почему Мария и Николай выбрали Карелию, понять нетрудно. Надежды получить квартиру в Ленинграде были очень относительные, так как желающих после окончания службы поселиться в Северной столице было предостаточно, следовательно, ожидание в очереди на получение жилья было неизбежно. В том положении, в котором находились они, это было бы полнейшим безрассудством, поэтому и выбрали Петрозаводск, где квартиру им могли предо-

ставить немедленно.

Глава 4

Не обращая внимания на ругань соседки, Виктор продолжал почти волоком тащить жену вверх. Открыв входную дверь, усадил Ольгу на стоявший в прихожей пуфик. На шум вышла Тамара Сергеевна. Увидев окровавленного зятя и плачущую дочь, совершенно извалявшихся в грязи, обомлела, застыв в недоумении и страхе.

– Помогите Оле, Тамара Сергеевна, – прервал возникшее молчание Виктор, – а я схожу заберу наши вещи. В роще остались. И постарайтесь не шуметь. Дети спят, – добавил он.

Тёща очнулась и поспешила на помощь дочери, а Виктор пошёл за брошенными вещами. Ему хватило десяти минут, чтобы найти разбросанные вещи, включая разорванные трусы и лифчик жены, и вернуться домой. Спортивная сумка была в грязи и крови. Тем временем Тамара Сергеевна помогла дочери раздеться и отвела её в ванную комнату. Ольга всё так же продолжала молча плакать, даже стоя под душем. Понимая, что, если она тоже заплачет, дочь неминуемо может впасть в истерику, крепилась, как могла. Вымыв её как в детстве, одела ночную рубашку и отвела в спальню, не задавая никаких вопросов. Виктор зашёл в ванную, сбросил с себя грязную окровавленную одежду, и встал под душ. Вымывшись и постояв несколько минут под холодной водой, вытерся и, одевшись в махровый халат, прошёл в кухню. От-

крыв холодильник, достал початую бутылку водки и немудрённую закуску. В кухню зашла Тамара Сергеевна. Виктор налил полстакана водки и залпом выпил. Всё происходило в полном молчании. Тамара Сергеевна понимала, что случилось какое-то страшное несчастье, но задавать вопросы не решалась. Села на стул и молча смотрела на зятя. Закусив, Виктор на минуту задумался и, наконец, заговорил:

– Тамара Сергеевна! Олю изнасиловали. Я не успел на каких-то пять минут. Что произойдёт завтра, я не знаю, но об изнасиловании никто узнать не должен.

– Почему? – недоумённо спросила тёща.

– Кроме позора, это ничего не принесёт. Насильник не наказан, но я клянусь, что найду его, – угрюмо сказал Виктор. В его голосе было столько уверенности и решимости, что Тамара Сергеевна безоговорочно поверила, что так оно и будет.

– А дальше что?

– Всё должно идти своим чередом. Завтра у Оли три первых урока. Будите её как всегда, и, если она вдруг вздумает никуда не ходить, надо будет объяснить ей, что этого делать ни в коем случае нельзя. Надо продолжать жить так, будто ничего не случилось. На работе она отвлечётся от страшных воспоминаний, и ей легче будет перенести всю эту грязь. Сами понимаете, – задумчиво произнёс он, – если об этом узнают в школе, то узнают и во всём городе. Она ведь тогда и на улицу перестанет выходить, а жить-то дальше как-то надо, –

закончил он.

– А ты? – с недоумением спросила тёща.

– Тамара Сергеевна! Идите спать! – угрюмо произнёс Виктор. – Я ещё немного посижу. Надо всё обдумать как следует.

Тёща не стала противиться и отправилась спать. Да какой уж тут сон? Проворочавшись и провздыхав до утра, встала чуть свет и, стараясь не разбудить внуков, с которыми спала в одной комнате, пошла на кухню готовить завтрак. Виктор всё так же сидел за столом. На столе стояла опорожнённая бутылка водки и почти пустая бутылка коньяка. Она с удивлением посмотрела на зятя:

– Витя! Что происходит? – недоумённо спросила она.

– Не беспокойтесь, Тамара Сергеевна! Всё в порядке, – ответил Виктор совершенно трезвым голосом. Рассказать теще о том, что, когда забирал сумки, обнаружил там лежащего мужика, которого ударил камнем по голове, и что мужик тот совершенно очевидно и бесповоротно отошёл в мир иной, не смог. Виктор пребывал в каком-то оцепенении. Он прекрасно понимал, что то, о чём предупреждал его отец, свершилось. Обрушилось неожиданно из какого-то неведома по абсолютно непонятной причине. Понимал, но никак не мог признаться себе в том, что не только его прежняя жизнь, но и жизнь всей вместе взятой семьи и всех её членов по отдельности, безвозвратно ушла в прошлое. Думать об этом не хотелось. Сидя за кухонным столом каждой клеточкой своего

существа, всем своим сердцем желал хоть на миг отдалить ту страшную неизбежность, которая неумолимо приближалась с каждой секундой. Понимая невозможность что-то изменить, безропотно ждал, цепляясь и пытаясь удержать каждое мгновение уютного и привычного настоящего.

– Готовьте завтрак. Посижу ещё, пока не проснулись дети и Оля, если я вам не мешаю, – произнёс извиняющимся тоном.

– Да, сиди, конечно, – отозвалась изумлённая тёща. Изумлённая, потому что, во-первых, Виктор вообще не пил, и алкоголь в доме хранили только для неожиданных гостей, а, во-вторых, она довольно хорошо изучила зятя, и была уверена в силе его характере. Виктор, между тем, допил оставшийся коньяк, убрал со стола все признаки ночного застолья, и ушел будить жену. Тамара Сергеевна, приготовив нехитрый завтрак отправилась поднимать детей – ритуал во всех концах света примерно одинаковый. Семья, за исключением Виктора, собралась за завтраком. Тамара Сергеевна, опасавшаяся, что ей предстоит непростой разговор с дочерью, была очень удивлена поведением Ольги, которая вела себя так, будто ничего не произошло. Обычные замечания задиравшим друг друга детям, умеренный аппетит, уверенный взгляд и ровный спокойный голос – ничто не выдавало того, что с ней случилось вчера. Тамара Сергеевна поняла, что ей нечего опасаться за психическое состояние Ольги, и успокоилась. Охо-хо! Если бы только она могла заглянуть в го-

лову своей дочери, то опасения теперь уже за своё психическое здоровье были бы более чем обоснованы. Ольга вновь и вновь прокручивала в голове вчерашнее происшествие, возвращаясь к каким-то отдельным, непонятно почему запомнившимся мельчайшим деталям, вспоминая жадные руки, рвавшие одежду, весь ужас, охвативший её, и удивительное, никоим образом не совместимое со всем этим ужасом удовольствие, на которое она тогда почему-то не обратила никакого внимания. И только сейчас она начала осознавать, что такого удовольствия и удовлетворения она не испытывала никогда, несмотря на свою богатейшую практику, упорно хотела понять причину этого, но ответа не находила.

Глава 5

В дежурной части городского УВД ровно в 7.00 утра прозвенел звонок. Взволнованный женский голос сообщил, что в берёзовой роще между новым микрорайоном и остановкой автобуса лежит труп мужчины с признаками насильственной смерти. Звонившая сообщила, что боится опоздать на работу, не представилась и данных о себе никаких не оставила. Дежурный по УВД капитан милиции Заворотнюк В.Г. хотел было оставить этот анонимный звонок без внимания, так не раз сталкивался с ложными вызовами, но, для очистки совести, решил, всё-таки, сообщить о возможном происшествии руководителю опергруппы, начальнику уголовного розыска УВД майору Бражникову В.С., который незамедлительно выехал на предполагаемое место совершения пре-

ступления. Сотрудники, предвкушавшие окончание дежурства, особой радости по поводу вызова не испытывали, так как в случае подтверждения события преступления все первоначальные следственные действия им придётся проводить самим, несмотря на то, что время их дежурство скоро закончится. На место преступления прибыли через пять минут. Сообщение подтвердилось. В пяти-шести метрах от тропинки, соединяющей остановку автобуса с микрорайоном, между деревьями был обнаружен труп мужчины, уткнувшийся лицом в ещё мокрую от ночного дождя траву. Левая часть лица мужчины была залита уже засохшей и спёкшейся кровью. В области левого виска находилась рана, нанесённая по предварительной версии каким-то тупым предметом, из которой эта кровь и вытекала. Эксперт-криминалист без труда дал предварительное заключение о причинах смерти и о приблизительном сроке её наступления. Даже поверхностное обследование место преступления показало, что в момент события преступления имела место отчаянная борьба, следы которой можно было наблюдать на большой площади. Множество разнообразных следов говорило о том, что в преступлении могли принимать участие от четырёх до пяти человек. Оставив экспертов-криминалистов обследовать место преступления, майор Бражников вместе с участковым пошли по следам, оставленным возможными виновниками убийства, которые привели их к дому Виктора. Несмотря на раннее время, на лавочке у подъезда уже дежурила Ли-

дия Ивановна. Милиционеры, не надеясь узнать что-либо для них интересное, всё-таки решили опросить старушку. На их вопросы Лидия Ивановна разразилась целой тирадой про «алкашей, которые житья не дают», про «бестолковую и бесполезную милицию, которая непонятно за что получает зарплату», про «соседа Виктора, который строит из себя интеллигента, а сам вчера после полуночи вернулся вдрызг пьяный, в крови и грязище», про . . . Лидия Ивановна могла бы продолжать и продолжать, но Бражников услышал то, что его интересовало и, выяснив номер квартиры, где проживал Виктор, решительно вошёл в подъезд.

Для Василия Семёновича Бражникова борьба с преступностью была делом всей его жизни в прямом смысле этого слова. С малолетства непримиримый противник всякой лжи и несправедливости, он готовился к борьбе с преступностью, не только скрупулёзно изучал все научные дисциплины, которые могли пригодиться в дальнейшей работе, но и упорно занимался спортом, готовя себя так же и к возможному физическому противостоянию с преступниками. Молва о его непримиримости, неподкупности и даже фанатизме, вызывала даже некое уважение по отношению к нему в определённых кругах, и желающих с ним встретиться лично не было. Не было их и потому, что Василий Семёнович в этой своей непримиримой борьбе зачастую переходил все рамки допустимого законом, применяя свою недюжинную силу, чтобы добиться признания от подозреваемого в совер-

шении преступления. Не пытал, конечно, но избиение подозреваемого стало для него с некоторых пор делом совершенно обычным. Проще и быстрее, нежели скрупулёзное, а иногда и бесполезное собирательство улик. И, если поначалу, убедившись, что подозреваемый им человек был невиновен, приносил ему свои извинения, то в последствие перестал делать и это. Цель оправдывает средства! Печально знакомый лозунг стал образом его действий. Бражников уже неоднократно попадал в неприятные ситуации, когда под угрозой оказывались не только его дальнейшая работа в органах, но и личная свобода, но, благодаря именно этой беззаветной преданности делу, а также покровительству начальства, избегал заслуженного наказания и всё больше и больше терял контроль над своими действиями. Безнаказанность порождает беззаконие. Особенно у тех, кто должен следить за соблюдением этих законов. Аксиома.

Ранний звонок почему-то испугал Тамару Сергеевну. Открыв дверь, увидела огромного мужчину и выглядывавшего из-за его спины хорошо знакомого ей участкового. Вид мужчины и, особенно, его взгляд, не предвещали ничего хорошего. Тамара Сергеевна молча уставилась на пришедших неожиданных гостей. Молчание продлилось совсем недолго. Первым его прервал Бражников:

– Блинов Виктор здесь проживает?

– Да, – испуганно ответила Тамара Сергеевна.

– Мы пройдем, если вы не против, – сказал Бражников и,

не дождавшись разрешения, отодвинул Тамару Сергеевну и протиснулся в коридор, прижав её к стене.

– Он ещё спит, – пыталась остановить гостей испуганная женщина. – Я его сейчас разбужу.

– Где? – спросил Бражников, с угрозой взглянув на женщину.

Тамара Сергеевна молча указала на спальню. Бражников прошёл через зал и открыл дверь в спальню. Виктор спал лицом вниз. На затылке была отчётливо видна свежая рана с запёкшейся кровью. Сомнений у Бражникова не осталось. Он грубо потряс за плечо спящего, крикнув при этом:

– Подъём!

Не сообразив со сна, что происходит, и, увидев склонившегося над ним незнакомого мужика, Виктор хотел вскочить, но реакция Бражникова оказалась быстрее, и мощный удар в челюсть отправил в нокаут. Эту картину наблюдали испуганно прижавшиеся к матери дети, ещё ни разу в своей короткой жизни не встречавшиеся со злом, и совершенно побледневшая бабушка. Не обращая на них никакого внимания, Бражников надел на руки Виктора наручники, взвалил его себе на плечо, как куль муки, прихватил висевшие на спинке стоящего рядом с кроватью стула треники, и молча направился к выходу. Всё это произошло в течение какой-нибудь минуты, от силы, двух. Вот так, в течение какой-нибудь минуты, от силы, двух, разрушилась строившаяся в течение долгих лет семья, сотканная из страстей, ком-

промиссов, переплетения множества чувств, рождения новой жизни, каких-то радостей и неприятностей, то есть, всего множества совокупностей, которые и составляют её суть. Одним ударом в челюсть. Но так, конечно, может рассуждать только человек, поверхностно относящийся к жизни. Мы-то прекрасно знаем, что такой печальный финал этой семьи готовился заранее, удобряясь фривольным поведением Ольги, при том, что она сама, даже в самых фантастических и несбыточных мечтах, никогда бы не додумалась и не призналась бы в том, что во всём виновата она.

Глава 6

Виктора, так и не пришедшего в себя после сокрушительного удара Бражникова, доставили в городской отдел милиции и поместили в камере предварительного заключения. Василий Семёнович распорядился, чтобы скорую помощь не вызывали. «Сам очухается!» – резюмировал он. Раскрытие преступления по горячим следам было очевидно, и делить с кем-то лавры этой служебной победы Василий Семёнович никак не хотел, поэтому приказал дежурному по горотделу записать Блинова за ним, чтобы не позволить следователям формально присвоить это раскрытие себе. Отдав необходимые распоряжения, отправился отдыхать после ночного дежурства, пообещав вернуться после обеда и тогда уже произвести все положенные действия, официально оформив арест подозреваемого. Отдохнув и как следует выспавшись, Бражников вернулся на работу в районе пяти часов, хотя имел

полное и законное право отдыхать до утра. Изучив все собранные по делу материалы, Василий Семёнович призадумался. Его смутил камень, найденный на месте преступления, как орудие совершённого злодеяния. Смутил он его потому, что за две недели до этого в лесопосадке, окаймляющей школьную спортивную площадку, был обнаружен труп убитой и изнасилованной десятиклассницы этой школы, Марины Медведевой. Смерть её так же наступила от удара камнем по голове, но подозреваемых в совершении данного преступления не было вообще. Бражников считал своим долгом раскрыть это преступление не только потому, что это мог быть очередной «висяк», но ещё и потому, что мерзость совершённого злодеяния переполняла всё его сознание чувством неподдельного гнева и желанием во чтобы то не стало найти и наказать преступника. Дело в том, что школьница была сначала убита и только потом изнасилована. С такой гнусностью майор за всё время своей службы ещё не встречался.

Изучив документы, Бражников пришёл к выводу, что есть все основания соединить эти два дела в одно, поскольку способ убийства был совершенно идентичен. Прежде, чем оформить документы на арест Виктора, вызвал его на допрос, во время которого Виктор признался в том, что это он ударил человека камнем после того, как тот вместе с двумя товарищами напал на него, когда он возвращался с тренировки, с целью ограбления, ударив его чем-то по голове.

Упомянуть о том, что при этом была изнасилована его жена Ольга не стал, так как считал недопустимым, чтобы об этом позоре узнали её коллеги и ученики. Сомневаться в правдивости показаний Виктора не было никаких оснований, так как в руках трупа был обнаружен нож, которым тот, по всей вероятности, хотел либо запугать Блинова, либо убить его. В пользу правдивости этой версии говорили и сведения о личности убитого, паспорт которого был обнаружен при осмотре его вещей. Смерть Чаплина Тимофея Михайловича по кличке «Чапа», четырежды судимого за кражи, разбойные нападения и убийство, закоренелого и неисправимого рецидивиста, не вызвала в Бражникове никакого сожаления. Скорее он был даже благодарен Виктору за это. И, если бы не этот злосчастный камень, то Бражников приложил бы все усилия, чтобы облегчить наказание Виктора за это убийство. Если бы не этот злосчастный камень. Надеяться на то, что Виктор, вот так вот, сразу же, признается и в убийстве и изнасиловании школьницы, если это он совершил злодеяние, Бражников не стал. Опытный оперативник, не однажды сталкивавшийся с преступниками, хорошо понимал, что для того, чтобы предъявить какие-то обвинения, нужны хоть какие-то доказательства, которых у него на данный момент времени не было вообще, поэтому, отправив Блинова в камеру, составил план оперативных мероприятий и написал ряд поручений своим подчинённым. Для более эффективного расследования ему необходимо было как можно больше узнать о

личности Виктора, его работе, интересах, знакомствах, связях, образе жизни, то есть, обо всём, что может охарактеризовать человека как личность, и уже на основании этого строить какие-то версии. Собрав всех оперативников на совещание, Бражников распределил поручения, детально указав каждому, на что надо обратить особое внимание, а также сроки их исполнения. Дисциплина в отделе уголовного розыска была, если выразаться официальным языком того времени, образцово-показательная. С теми, кто хоть в какой-то мере проявлял непослушание или просто халатное отношение к своим обязанностям, Бражников расставался быстро и безжалостно. На воспитание или перевоспитание сотрудников он не хотел тратить ни времени, ни сил. Захлестнувшая страну преступность после «перестройки», разрушение в одночасье всех моральных принципов и устоев, на основании которых строилось не только само государство, но и жизнь каждого отдельно взятого человека, никоим образом не повлияли на убеждение Бражникова в том, что преступность при любых обстоятельствах остаётся преступностью, и с ней нужно бороться всё так же неумолимо и беспощадно. Руководство УВД, понимая, что спокойствие граждан, а, значит и спокойствие самого руководства, прежде всего зависит от слаженной и эффективной работы именно этого отдела, всегда шло навстречу пожеланиям его начальника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.